

К.10-357

КОЛХОЗНЫЙ СПЕКТАКЛЬ

ОГДЗЛВГИЗ-1945

LIBRARY OF THE
MUSEUM OF NATURAL HISTORY
LONDON

К- 10-357.

ИВАНОВСКИЙ ОБЛАСТНОЙ ДОМ
НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА

КОЛХОЗНЫЙ СПЕКТАКЛЬ

91

2010

ОГИЗ
ИВАНОВСКОЕ ОБЛАСТНОЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

1945

СОДЕРЖАНИЕ

<i>К. Паустовский.</i> Счастье	3
<i>А. Глебов.</i> Вечер в Петушках	19
<i>А. Благов.</i> Песня девичья. Слово вождя. Советский солдат	27
<i>Мих. Шошин.</i> Левон и Стенька	29
Несколько практических советов начинающему руководителю драматического кружка	35

Редактор *М. Д. Шошин.*

Подписано к печати 13/II-1945 г. КЕ—00236. Печ. л. 2¼. Уч.-изд. л. 2.
В печ. л. 38160 тип. зн. Тираж 1600 экз.
Цена 1 рубль.

Типография издательства Ивановского областного совета депутатов трудящихся. Иваново, Типографская, 4. Заказ № 691.

Константин Паустовский

СЧАСТЬЕ

Пьеса в одном действии и трех картинах

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Глаша — девушка-комсомолка, дочь рыбака.
Варвара Максимовна — ее мать, старуха.
Ленка — девушка, соседка Глаши.
Малеев — командир сторожевого катера.
Чечулин — старшина сторожевого катера.

Действие происходит в Крыму на глухом побережье, около Судака, в дни освобождения Крыма от немцев.

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Белая низкая комната в доме Варвары Максимовны. Очень чисто и бедно. За открытым окном — ночь. Шумит море. Под столом горит огарок. Глаша и Ленка сидят около него на полу. В руках у Глаши тетрадь. Она читает. Ленка слушает, обмотав шею своей русской косой.

ГЛАША (читает). «И приснилось ей...»

ЛЕНКА. Это кому же «ей»? Тебе, что ли?

ГЛАША. Ну да, мне. (Читает.) «И приснилось ей, что кончилась война и она надела свое белое шелковое платье, повязала легкую косынку на шею и вышла из дому с веткой сирени в руке».

ЛЕНКА. Почему ты про себя говоришь «она»? Ты же свой собственный сон записала.

ГЛАША. Так легче читать. А то стыдно. Ты слушай! (Читает.) «...с веткой сирени в руке. А кругом город, похожий на Ялту. Весь белый. Даже больно смотреть. В порту стоят пароходы, убранные разноцветными флагами. Как на праздник. Она идет по набережной, и хочется ей засмеяться и заплакать от счастья. И знает она, что стоит ей только поднять голову, и увидит она его совсем рядом. И сердце у нее забьется-забьется...»

ЛЕНКА. Кого же это ты боялась увидеть во сне, Глаша?
ГЛАША. Это так... Дальше неинтересно. (Закрывает тетрадь.)

ВАРВАРА МАКСИМОВНА (ощупью выходит из-за занавески, садится на лавку). Не спится мне что-то. Опять свеча у вас горит!

ЛЕНКА. Ничего, Варвара Максимовна.

ВАРВАРА МАКСИМОВНА. Увидят немцы — спалят нашу хату.

ЛЕНКА. А кто он, этот человек? Военный или гражданский?

ГЛАША. Моряк.

ЛЕНКА. Красивый?

ГЛАША. Во сне все красивые.

ЛЕНКА (вдыхает). Мне бы такой сон приснился. Я бы все рассмотрела!

ВАРВАРА МАКСИМОВНА. За шаландой отцовской лучше пошли бы поглядели, чем болтать по ночам. Ветер свежее. Сорвет шаланду.

ГЛАША. Она за скалой спрятана. На якоре. Ничего с ней, мама, не будет.

ВАРВАРА МАКСИМОВНА. Анастас приходил?

ГЛАША. Нет.

ВАРВАРА МАКСИМОВНА. Значит, не поедешь нынешней ночью? (Крестится.) Спасибо, царица небесная! Я все думаю и думаю — страшное дело ты выбрала, Глаша. Не женское дело.

ГЛАША. Чего там говорить, мама!

ВАРВАРА МАКСИМОВНА. Не женское это дело — ночью ходить на шаланде в Черную бухту. Да еще с таким грузом. Шаланда старая, гнилая. Был бы жив отец, убила бы ты его своим характером. Упрямая душа у тебя, Глаша.

ЛЕНКА. Что вы ее ругаете? Она красавица. Нет такой, как она, во всем Крыму.

ВАРВАРА МАКСИМОВНА. Сама знаю, что красавица. Подойди сюда, Глаша!

Глаша подходит. Варвара Максимовна ласково проводит руками по ее голове.

ВАРВАРА МАКСИМОВНА. Для этого дела есть бестрашные бойцы, матросы. А то девчонка взялась оружие возить в Черную бухту, партизанам. Поймают немцы — повесят. И меня, старуху, повесят. Не жалеешь ты матери, Глаша.

ЛЕНКА. Не жалела бы вас Глаша — давно бы бежала к своим.

ВАРВАРА МАКСИМОВНА. С тех пор, как ослабла я глазами, жизнь для Глаши — мученье. Не дает бог смерти. Кругом тысячи умирают, а я все живу...

ГЛАША. Замолчите, мама. Перестаньте.

ВАРВАРА МАКСИМОВНА. Вот так всегда. Все сердится. Не научили тебя в комсомоле с родителями разговаривать.

ЛЕНКА. Только вы тише про комсомол, Варвара Максимовна.

ВАРВАРА МАКСИМОВНА (вполголоса). Я тихим голосом говорю. Своего голоса... (Замолкает, прислушивается.) Своего голоса... (Снова прислушивается.) Стоит кто-то... в саду...

Девушки оглядываются на окно.

ГЛАША. Почудилось вам, мама.

ВАРВАРА МАКСИМОВНА. Нет. Я слышу... затаился кто-то. Галка треснула под ногой.

Ветер поднимает занавеску. Ленка хватается за руку. За окном видны две темные фигуры.

ГЛАША. Кто там? (Молчание. Фигуры приближаются ближе.) Что нужно?

ЛЕНКА (шопотом). Немцы!

ГЛАША (незаметным движением выбрасывает из тетради на пол игральные карты, прячет тетрадь под блузку на груди, быстро шепчет Ленке). Мы гадали. Потому и свеча.

ГОЛОС ЗА ОКНОМ. Погасите свечу!

Никто не двигается.

ГОЛОС ЗА ОКНОМ. Погасите свечу! Нас могут заметить!

Ленка тихо вскрикивает и гасит свечу. Малеев и Чечулин, отодвинув на подоконнике вазон с цветком, осторожно влезают в окно и закрывают его. Их плохо видно в темноте. Один из них — в бушлате, в глубоко надвинутой на глаза морской фуражке. Другой — в матросском тельнике, без шапки.

МАЛЕЕВ. Дверь у вас с улицы. А на улице даже ночью кругозор очень широкий. Пришлось войти через сад. Славный сад у вас, только много колючек. Весь бушлат изодрал.

ГЛАША. Это акация... (Замолкает.) Кто вы такие?

МАЛЕЕВ. Где немецкий пост?

ГЛАША. Не знаю.

МАЛЕЕВ. Живете при немцах целый год — и не знаете?

ЛЕНКА. В генуэзской башне.

ЧЕЛОВЕК В БУШЛАТЕ. В двух километрах?

ГЛАША. Кто вы такие?

МАЛЕЕВ. Давайте разговаривать тихо. Допустим, что

я командир сторожевого катера. А это, предположим, мой старшина.

ГЛАША. Как вы сюда попали?

МАЛЕЕВ. Пришли с моря. Вы любите всякие сны, но мы, к сожалению, не сон. Мы самые настоящие люди. И к тому же мокрые до костей.

ЛЕНКА. Я печку затоплю. Вам обсушиться надо.

МАЛЕЕВ. Нет! Печка, которая горит ночью... Дым, из трубы... Нехорошо. Обсохнем и так.

ГЛАША. Ах, вот как!

МАЛЕЕВ. Да, так. Катер остановился в кабельтове от берега. Пришлось плыть.

ЧЕЧУЛИН. Легким кролем.

МАЛЕЕВ. Времени у нас мало. Разговоры отложим до лучших времен. Где ваша шаланда?

ЛЕНКА. Где ж ей быть? На берегу, конечно.

МАЛЕЕВ (Глаше). Кто эта девочка?

ГЛАША. Моя соседка.

МАЛЕЕВ. Может быть, эта девочка...

ЛЕНКА. Я не девочка. Мне шестнадцатый год пошел.

МАЛЕЕВ. Вот как! Ну, извините. Здесь темновато. Может быть, вы согласитесь проводить моего старшину к шаланде и побудете там, пока мы здесь поговорим?

ЛЕНКА (пожимает плечами). Пожалуйста! Пойдемте.

Ленка и Чечулин уходят.

ГЛАША (Малееву). Вы долго стояли под окном?

МАЛЕЕВ. Не очень. Я видел Анастаса. Он прислал меня к вам.

ГЛАША. Я не знаю никакого Анастаса. Что вам от меня нужно?

МАЛЕЕВ (достаёт из кармана коробку спичек, протягивает Глаше). Этого вам достаточно?

ГЛАША (внимательно рассматривает коробку). Пожалуй. Это спички Анастаса. С ними он присылает своих. Почему он сам не пришел?

МАЛЕЕВ. Нас и так двое. Нельзя ходить толпами.

ГЛАША. Да, верно. А как вас... зовут?

МАЛЕЕВ. Меня — Иван Петрович Малеев...

ГЛАША. Малеев?!

МАЛЕЕВ. Да... А его тоже Иван Петрович, но только Чечулин... А вы разве...

ГЛАША. Я много слышала о вас... Я...

МАЛЕЕВ. Вот как? От кого же?

ГЛАША. От Анастаса. Он рассказывал о вас... Я... почти знаю вас.

МАЛЕЕВ. Очень хорошо. Значит, я вполне могу рассчитывать на вашу помощь? Только вы одна можете мне помочь. Так, по крайней мере, сказал Анастас.

ГЛАША. Да, да. А какая вам помощь нужна?

МАЛЕЕВ. Час назад мы со старшиной бросились с борта катера и поплыли к берегу. Катер ушел.

ГЛАША. Снимите бушлат. Я его высушу и зашью. А пока наденьте вот эту куртку. Это отцовская.

МАЛЕЕВ (машинально снимает бушлат). Вы слушайте! Это очень важно.

ГЛАША. Я слушаю.

МАЛЕЕВ (надевает куртку. Глаша помогает ему). Спасибо! Вы одна можете доставить нас на шаланде на Чортов падец? За Черной бухтой.

ГЛАША. Зачем вам на Чортов падец?

МАЛЕЕВ. Затем, что на него можно взобраться только с моря. С берега подходов нет. А рядом, в трехстах метрах к востоку от Чортова пальца, есть удобное, очень отлогое место для высадки. Так?

ГЛАША. Да

МАЛЕЕВ. А теперь — главное. Завтра ночью на этом месте будет высажен наш десант. Я и старшина посланы, чтобы давать сигналы с берега. Электрическими фонарями. Свет будет мигать, корабли отсчитают триста метров к востоку от наших сигналов и начнут высадку. Вот и все. Просто?

ГЛАША. А вы знаете, что такое Чортов падец?

МАЛЕЕВ. Приблизительно знаю. А что?

ГЛАША. Отвесная скала. Есть одна только маленькая площадка. Там двое, пожалуй, и не поместятся.

МАЛЕЕВ. Ну и чудесно! Нас никто не сможет увидеть с берега, никто не помешает и не снимет пульей, конечно. А мы уж как-нибудь сожмемся, удержимся.

ГЛАША. Ваше счастье, что ветер легкий. Иначе к Чортову пальцу не пристанешь. Особенно ночью. В штормовую погоду там прибой бьет прямо в небо. Сейчас я соберу вам чего-нибудь поесть. А главное, воду взять надо.

ВАРВАРА МАКСИМОВНА. Не женское дело ты себе выбрала, Глаша!

ГЛАША. Замолчите, мама. Где у нас хлеб? (Собирает еду.) Мало хлеба. Вы не обижайтесь. У нас сегодня, как назло, весь хлеб вышел. И маслины. Вы их любите? Может быть, вы не любите маслин?

МАЛЕЕВ. Нет, нет, люблю. Только вот жалко их будет есть.

ГЛАША. Почему?

МАЛЕЕВ. Так... Сам не знаю. Я предпочел бы оставить их на память. Но старшина, конечно, все слопает...

ГЛАША. Глупости! Мама, где у нас маслины?

ВАРВАРА МАКСИМОВНА. В погребе. Зажги свечку, иначе там ничего не найдешь.

МАЛЕЕВ. Нет, нет! Не надо свечи. Не надо огня. Ради бога!

ГЛАША. Я осторожно. Никто не заметит.

МАЛЕЕВ. Нет! Прошу вас. Обойдемся без маслин. Не надо света!

ГЛАША. Что вы так боитесь огня?

МАЛЕЕВ. Так... Нельзя рисковать. Вы готовы?

ГЛАША. Сейчас. (Затягивает крест-на-крест. теплый платок у себя на груди.) И голос ваш знаком мне. Будто я слышала его где-то.

МАЛЕЕВ. Быть может, во сне?

ГЛАША (смушенно). Вы, значит, стояли под окном и все слышали?

МАЛЕЕВ. Я не виноват—так уж случилось. Обстоятельства военного времени.

ГЛАША. Вы не думайте — я в сны не верю. Я рассказала этот сон просто так...

МАЛЕЕВ. Но вы его, кажется, даже записали?

ГЛАША. Очень красивый был сон. Я проснулась и долго еще слышала, как пахнет сиренью.

МАЛЕЕВ. Не люблю таких снов.

ГЛАША. Почему?

МАЛЕЕВ. Потому, что в таких снах все красивые. А в жизни получается несколько иначе.

ГЛАША. Ну, уж вам-то, должно быть, не на что жаловаться.

МАЛЕЕВ. Если судить по голосу.

ГЛАША. Нет, зачем же по одному только голосу.

МАЛЕЕВ. Неужели вы меня видите в такой темноте?

ГЛАША. Я не кошка. Ночью я лица не различаю. Зачем вы так низко натягиваете фуражку?

МАЛЕЕВ. Привычка. Все время на ветру, на палубе. Всю жизнь — на корабле.

ГЛАША. А на берегу вы разве редко бываете?

МАЛЕЕВ. Редко. У меня — ни родных, ни семьи. Моя семья — матросы. Чудесная семья, признаться...

ГЛАША. Неужели у вас никого нет? Жены или...

МАЛЕЕВ. Или кого?

ГЛАША. Или любимой девушки?

МАЛЕЕВ. Нет. Уж так повелось в моей жизни, что девушки всегда проходят мимо. Иногда посмотрят в глаза, улыбнутся — и все. От этих встреч остается на душе одна только печаль.

ГЛАША. Почему?

МАЛЕЕВ. Не знаю. Так вот и проходишь через жизнь, как по улице между садов. Там, за оградами, женский смех, пенье, какая-то своя прекрасная, легкая жизнь, свои тайны, своя любовь, свое счастье, а ты только проходишь мимо и не решаешься не то что открыть калитку и войти в эти сады, чтобы слиться с этой радостной жизнью, но даже не решаешься остановиться, чтобы послушать чужие и милые голоса. Глупо, не правда ли?

ГЛАША. Глупого в этом ничего нет.. Только... я думаю... Нельзя быть таким одиноким...

МАЛЕЕВ. Я не одинок. Товарищей много.

ГЛАША. Нет, я не так что-то сказала. Нельзя жить без любви.

МАЛЕЕВ. Я знаю... Вы думаете, я не жду ее, эту любовь?

ГЛАША. И все не можете дождаться?

МАЛЕЕВ. Как знать...

ГЛАША (порывисто и смущенно). Ну, нам пора!

МАЛЕЕВ. Да, пора. Надо проститься с вашей матушкой. (Подходит к Варваре Максимовне.) Простите за беспокойство. У вас замечательная дочь. (Протягивает Варваре Максимовне руку.)

ГЛАША. Она плохо видит. (Соединяет руку Малеева с рукой Варвары Максимовны.)

ВАРВАРА МАКСИМОВНА. Прощай, милый! Спасибо тебе. Лучше моей дочери нет девушки на свете.

МАЛЕЕВ. Да, пожалуй...

ВАРВАРА МАКСИМОВНА. Вот не рассмотрю, какой ты, а голос у тебя добрый. Подыми-ка фуражку... (Протягивает руку.)

МАЛЕЕВ. (отшатывается). Ну, пора идти. Прощайте!

ГЛАША. Он еще вернется, мама. (Малееву.) Я за вами приду на шаланде. После десанта.

МАЛЕЕВ. Приходите, как только высадится десант. У меня приказ — не задерживаться на посту ни одной лишней минуты. Пойдемте!

ГЛАША. Прощайте, мама! (Целует Варвару Максимовну в голову.)

Глаша и Малеев уходят.

ВАРВАРА МАКСИМОВНА. Голос ее узнать не могу. Звонкий сделался у нее голос. Ласковый. (Замолкает.) Страшный этот человек. Страшный. Лицо прячет...

КАРТИНА ВТОРАЯ

Та же комната. Раннее утро. Ленка сидит на подоконнике, чинит бушлат. Варвара Максимовна сидит рядом с ней на лавке.

ВАРВАРА МАКСИМОВНА. Слышишь, как птицы распелись? Солнце подымается.

ЛЕНКА. Да. Тихое утро, Варвара Максимовна.

ВАРВАРА МАКСИМОВНА. А Глаши все нету...

ЛЕНКА. Вы не беспокойтесь. Море спокойное. Там скал много, за Черной бухтой. Медленно надо плыть.

ВАРВАРА МАКСИМОВНА. Задержалась она. Как бы не заметили немцы.

ЛЕНКА. Туман над морем. Туманом ее закроет.

Из кармана бушлата падает на пол письмо. Ленка быстро его подымает.

ВАРВАРА МАКСИМОВНА. Дай-то бог! Уронила ты что-то?

ЛЕНКА. Нет. Это ветер. (Осторожно развертывает размокшее письмо, начинает читать.)

ВАРВАРА МАКСИМОВНА. Ты мне скажи, очень они наш поселок разорили, немцы? Я и сама знаю, что разорили. Чего ты молчишь?

ЛЕНКА (отрывается от письма). Задумалась я, Варвара Максимовна.

ВАРВАРА МАКСИМОВНА. Рано тебе задумываться.

ЛЕНКА. Я книгу одну недавно читала. И в книге той нашла я письмо. Пишет какая-то женщина. И пишет так. (Читает.) «Ваня, милый! Получила твое письмо с фронта и никому не показала — даже матери. Очень ты хорошо пишешь про нашу любовь и про то, как ты вернешься ко мне. И так ясно все представляю: взгляну за окно, а через сад идет человек, как будто знакомый. Идет, улыбается, а у самого лицо совсем белое, взволнованное. Узнаю я тебя, вскочу, выбегу навстречу, и дыхание у меня перехватит. Должно быть, не добегу до тебя, упаду на колени, заплачу». (Замолкает.) Кто так может писать, Варвара Максимовна? Жена или невеста?

ВАРВАРА МАКСИМОВНА. Так от молодого сердца пишут. Должно быть, невеста. Жена бы не так написала.

ЛЕНКА. А как?

ВАРВАРА МАКСИМОВНА. Жена про себя бы не писала. Тревожилась бы только о нем. Память у тебя хорошая — все письмо наизусть выучила. Должно быть, от твоего любопытства у тебя память такая.

ЛЕНКА (вскакивает). Вот она, Глаша! Идет! (Оставляет бушлат и письмо на подоконнике, соскакивает в сад, убегает.)

ВАРВАРА МАКСИМОВНА. Ты бы ей лучше чай согрела, чем бегать навстречу. (Встает, снимает с полки на стене чашки, ставит на стол; одна чашка падает и разбивается.) Господи, какую же это я чашку разбила? (Шарит по полу, собирает осколки.) Неужто Глашину? Старая чашка, с розами. Я ее сама покупала.

Входят Глаша и Ленка. Платье на Глаше промокло, прилипло к телу. Волосы растрепаны ветром. Глаша, видимо, устала, но глаза ее блестят, она смеется.

ГЛАША. Здравствуйте, мама. Чего это вы ищете? Чашку разбила?

ВАРВАРА МАКСИМОВНА. Твою. Любимую. Дура я, дура. Полезла на полку. Хотела, как лучше, а вышла беда.

ГЛАША. Ну, господи, мама! Это к счастью. (Обнимает Варвару Максимовну, целует ее, ведет к скамейке, усаживает.) Может счастье ждет меня там, за дверью. И никто про это не знает.

ЛЕНКА. Где за дверью?

ГЛАША (смеется). Здесь, за порогом. А может быть, оно дожидается меня где-нибудь в скалах.

ЛЕНКА. В каких скалах? За Черной бухтой?

ГЛАША. Молчи!

ЛЕНКА. Ох, Глаша!

Глаша хватает Ленку и начинает кружить ее по комнате.

ВАРВАРА МАКСИМОВНА. Чего это вы? Ветер какой подняли!

ЛЕНКА (хохочет). Пусти! Сумасшедшая! Вся коса расплелась. Слышишь, пусти!!

ГЛАША (отпускает Ленку). Утро какое! Вода такая прозрачная, что дно на большой глубине видно. Я нет-нет да и загляну за борт. И все кажется, что лежат на дне пароходы из золота. Честное слово! Блестят в морской траве. А туман какой! Синий, теплый, будто после дождя. Спас меня этот туман. А то бы меня с наблюдательной вышки заметили.

ВАРВАРА МАКСИМОВНА. Вот счастье, развеселилась ты наконец. Первый раз за весь год засмеялась. И с чего это ты? Случилось что-нибудь?

ГЛАША. Случится. Скоро. И уже случилось. Пойдем, Ленка, в сад, нарвем веток, уберем ими всю хату.

ВАРВАРА МАКСИМОВНА. Нельзя! Немцы заметят. У них глаз острый. Сейчас заинтересуются: что это за убранство в нашей хатке, по какому случаю?

ЛЕНКА. А мы скажем, что свадьбу собираемся справлять.

ГЛАША. Замолчи, Ленка!

ВАРВАРА МАКСИМОВНА. Не к добру расшумелись.

ЛЕНКА (тихо Глаше). Ты мне все расскажешь, Глаша?

ГЛАША. Так уж и все?

ЛЕНКА. А то сама догадаюсь — хуже будет.

ГЛАША (показывает на Варвару Максимовну). Потом.

ЛЕНКА. Нет, сейчас. (Варваре Максимовне.) Пока я чай вскипячу, вы бы посидели в садике. А то все в хате сидите, в духоте.

ГЛАША. Правда, мама. Вы совсем засиделись без воздуха.

ВАРВАРА МАКСИМОВНА. Ну, что ж. Посижу на завалянке. Погреюсь. Помогите мне, Глаша.

Глаша уводит Варвару Максимовну в сад. Ленка растапливает печурку, ставит чайник с водой, напевает.

ЛЕНКА. Юнга молодой
С русой головой
Покидал красавицу Одессу.

Вбегает Глаша.

ЛЕНКА. Ну!

ГЛАША. Что?

ЛЕНКА. Рассказывай!

ГЛАША. Что рассказывать?

ЛЕНКА. Сама знаешь что. (Подходит к Глаше, с завистью смотрит на нее, обмотав косу вокруг шеи, качает головой). Так вот как выглядит девушка, которая в первый раз полюбила. Ты в десять раз красивее стала, Глаша!

ГЛАША (краснеет). Не смей так шутить!

ЛЕНКА. Я не шучу. Я только одного не понимаю.

ГЛАША. Чего ты не понимаешь?

ЛЕНКА. Как же это так... сразу?

ГЛАША. Вот так. Будто обожгло мне сердце. Теперь мне все легко-легко! Вот, хочешь, могу броситься в море и плыть до самой Черной бухты. И еще буду петь всю дорогу.

ЛЕНКА. А он тебе чего-нибудь сказал?

ГЛАША. Я и без слов догадалась. Он... это он... Его я ждала...

ЛЕНКА. О чем же ты сейчас думаешь? Отчего ты все смеешься?

ГЛАША. Весело мне — вот и смеюсь. От всего весело. Даже от того, что платье на мне промокло и волосы растрепались. Я плыла на шаланде, смотрела на наши берега и думала: скоро все это опять будет наше. Опять!

ЛЕНКА. А он сюда вернется?

ГЛАША. Вернется. Вот, видишь, бушлат свой здесь оставил. Значит, вернется. Я сама сниму его завтра ночью с этой скалы. (Идет к окну, берет бушлат, замечает письмо). Это что? (Берет письмо.) Откуда письмо?

ЛЕНКА. Это... (Внезапно соображает, что случилось.) Это мое! Не трогай! (Хочет отобрать у Глаши письмо, но Глаша не отдает его.)

ГЛАША. Твое? Почему же оно мокрое, буквы все расползлись?

ЛЕНКА. Отдай! Это мне написано!

ГЛАША. С каких это пор тебя зовут «милым Ваней»?

ЛЕНКА. Стыдно читать чужие письма.

ГЛАША. Ты что расшумелась! Сама прочла, должно быть, а меня попрекаешь. Все равно прочту. Мне нужно прочесть. Где ты его нашла?

ЛЕНКА. В бушлате.

Глаша, повернувшись спиной к Ленке, читает письмо. Ленка стоит, обмотав шею косой, закусив ее зубами, закрыв глаза.

ЛЕНКА (вполголоса). Дура я! Дура, дура, дура...

ГЛАША. Замолчи! (Перестает читать, машинально прячет письмо у себя на груди и прислоняется к стене; стоит так несколько мгновений, потом оборачивается, берет бушлат, вешает его на гвоздь у двери.)

Ленка стоит все так же, закрыв глаза.

ГЛАША. Ну вот... И хорошо... Не прочла бы — наделала глупостей. (Проводит рукой по бушлату, потом, уткнувшись в него головой, начинает тихо плакать.)

ЛЕНКА. Не надо! Глаша, красавица моя, не надо! Зачем он тебя обманул? Такую хорошую.

ГЛАША. А я... девчонка... как радовалась! Как же это может быть, Ленка!

ЛЕНКА. Это от его невесты письмо. Не от жены.

ГЛАША. Почему?

ЛЕНКА. Жена о себе ничего не писала бы. О нем бы одним тревожилась.

ГЛАША. Мне все равно — жена, невеста... Все равно — не я!

ЛЕНКА. Что ж теперь делать, Глаша?

ГЛАША (оборачивается, она уже не плачет). Не быть душой. Такой, как я была. Понимаешь? Не быть душой. (Смеется, передразнивает себя). «Теперь мне все легко-легко!» Разлетелась! Хохотала, как сумасшедшая. Думала, вот оно, счастье, поджидает за дверью. И откуда я все это взяла? Откуда выдумала?

ЛЕНКА. Не надо, Глаша.

ГЛАША. Что не надо? Я себя замучу, а эту любовь из себя выбью, выжгу. Человек ласково со мной поговорил, а я и растаяла, как снежная королева. А жаль... (Замолкает.)

ЛЕНКА. И мне как жаль, Глаша.

ГЛАША. Вот здесь оно было, счастье, — на сердце. И туман и золотые пароходы в воде — все теперь пропало, Ленка... (Садится на табурет, закрывает лицо руками.)

ЛЕНКА. Что ж теперь будет, Глаша?..

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Та же комната. Рассвет. Буря. Сквозь шум бури доносятся раскаты орудийного огня и ружейные выстрелы. Варвара Максимовна стоит около открытого окна.

ВАРВАРА МАКСИМОВНА. Лена! Где же ты? Лена! Что ж это, господи! Буря какая! И стреляют кругом. Глаша опять ушла в море. В такую страсть. Господи, спаси и помилуй!

ЛЕНКА (за окном). Иду, Варвара Максимовна! Сейчас!

Ленка вбегает в комнату, возбужденная, радостная.

ВАРВАРА МАКСИМОВНА. Что там делается? Уходят немцы?

ЛЕНКА. Бегут. Бой уже на перевале, в лесу. (Вспышки ракет за окном.) Наши моряки прямо со шлюпок прыгают в воду с автоматами, бегут по пляжам, — только галька во все стороны разлетается да пули свистят.

ВАРВАРА МАКСИМОВНА. Не стихает погода?

ЛЕНКА. Стихает, Варвара Максимовна.

ВАРВАРА МАКСИМОВНА. Зачем Глаша за этим человеком опять в море пошла? Был бы жив отец, нипочем бы не пустил.

ЛЕНКА. Как зачем? А кто же его другой снимет?

ВАРВАРА МАКСИМОВНА. Моряки могли бы снять. А то девчонка ушла одна в море в такую волну.

ЛЕНКА. Она по своей воле пошла.

ВАРВАРА МАКСИМОВНА. Который час?

ЛЕНКА. Пятый. Ну, я побегу, Варвара Максимовна.

ВАРВАРА МАКСИМОВНА. Куда?

ЛЕНКА. Забегу к себе, потом погляжу, что кругом делается, и к вам.

ВАРВАРА МАКСИМОВНА. Ты меня одну не бросай.

ЛЕНКА. Сейчас вернусь, Варвара Максимовна. (Убегает.)

Слышны отдаленные выстрелы.

ВАРВАРА МАКСИМОВНА. И зачем он только к нам пришел, тот человек! Глашу теперь не узнать. То смеялась, а теперь слова от нее не добьешься. (Прислушивается.) Идет кто-то. К нам! Может, свои, а может, и немцы. Лена! А, Лена!

Слышны мужские голоса.

ВАРВАРА МАКСИМОВНА (идет к двери). Кто тут?

Входят Глаша, за ней Малеев и Чечулин. Впервые при свете утра видно лицо Малеева: один глаз и часть лба у него обожжены.

ГЛАША. Это мы, мама. (Целует Варвару Максимовну.) Опять всю ночь не спали? Легли бы, мама. Я их сама чаем напою и провожу.

ВАРВАРА МАКСИМОВНА. Проходите, проходите... Измучилась я. Слава богу, теперь уж не надо будет тебе плавать в Черную бухту. Прогнали немцев.

ГЛАША. Прогнали, мама. Идите к себе. Я сама тут управлюсь.

ВАРВАРА МАКСИМОВНА. Ну, бог с тобой! Я, правда, пойду полежу. (Уходит.)

ГЛАША (Малееву и Чечулину). Садитесь, отдохните. Я сейчас. Руки себе стерла.

МАЛЕЕВ. Нам, собственно, задерживаться нельзя. Надо на берег, к своим. Мы за бушлатом зашли.

ГЛАША. Ничего. Садитесь! Сюда, к окну. (Раздраженно.) Да не бойтесь вы! Почему вы все время от меня отворачиваетесь? Я же все вижу. Это чем вас? Миной?

МАЛЕЕВ (глухо). Нет. Опалило взрывом. Я сам на себя боюсь смотреть. Даже бреюсь без зеркала.

ГЛАША. Напрасно. Лицо, как лицо. А потом разве вам не все равно, что я о вас подумаю?

МАЛЕЕВ. Нет, не все равно. Я сам к себе привыкнуть не могу. Ну что ж, товарищ Чечулин, пойдете!

ГЛАША. Неужели вы не можете побыть здесь хоть две минуты? (Затапливает печку). Хоть из благодарности за то, что я сняла вас с этой скалы в такую волну.

МАЛЕЕВ. Такие вещи не забываются.

ЧЕЧУЛИН. Скучная скала. Особенно в такую погоду. Сплошной душ Шарко!

МАЛЕЕВ. Да, но все-таки надо идти! Спасибо вам большое! Чорт возьми, как мало слов благодарности на человеческом языке. В общем, вы молодец! Хотел я сказать вам на прощанье несколько слов, да думаю, все равно — напрасно.

ГЛАША. Как хотите.

МАЛЕЕВ. Пожалуй, не стоит... Я не знаю даже, как вас зовут.

ГЛАША. А зачем вам это нужно?

МАЛЕЕВ. Жестокий у вас характер?

ГЛАША. Зачем я вам нужна? Ну, доставила на скалу и привезла обратно. Я же не для вас это делала, а для родной земли. Я родину, Крым свой люблю с тех пор, как научилась ходить. И как люблю! (Замолкает.) А вы пришли, ушли — и все. Останется только память.

МАЛЕЕВ. Этого мало.

ГЛАША. А что же вам нужно еще?

Малеев не отвечает.

ЧЕЧУЛИН. Разрешите, товарищ лейтенант, сучьев в саду набрать. Нехватает дровишек.

МАЛЕЕВ. Идите! (Чечулин уходит.) Мне ничего не нужно. Через минуту я уйду. И, может быть, никогда вас больше не встречу. Я только хотел сказать вам: если бы был я другим... Ну, словом, если бы не эта моя маска на лице, я бы так легко не ушел отсюда. Я бы сказал вам, что вы чудесная девушка, что о такой девушке я, может быть, мечтал всю жизнь... Но не мне теперь думать о счастье...

ГЛАША (поворачивается к Малееву). Вы и так счастливы... Хотите, я расскажу, что будет после войны, когда вы вернетесь домой?

МАЛЕЕВ. Мой дом — корабль.

ГЛАША (не слушая его). Неужели никто не выбежит вам навстречу, ни одна молодая женщина, и от радости не упадет на колени, и не заплачет, когда увидит вас? Я по-

нимаю, вы мне благодарны, но зачем же говорить пустые и красивые слова!

МАЛЕЕВ. Я... Может быть, глупо было с моей стороны откровенничать.

ГЛАША. Давайте выпьем чаю и простимся.

МАЛЕЕВ. Да... без красоты, оказывается, не проживешь счастливым на свете... Кому я нужен такой?

ГЛАША. Кому-нибудь нужны. Ну, что ж! Чайник кипит.

Глаша встает, подходит к полке, снимает чашки. Вбегает Ленка.

ЛЕНКА (увидев Малеева). Ой! (Смущается.) Я вас и не узнала.

МАЛЕЕВ. Еще бы. Ну, мне пора. Прощайте. (Идет к двери, останавливается. Глаше.) Я думаю, что вы могли бы сделать это не так больно.

Глаша сжимает голову руками. Малеев уходит и в дверях сталкивается с Чечулиным, делает ему знак идти за собой. Чечулин складывает у порога охапку веток и уходит вслед за Малеевым.

ЧЕЧУЛИН (оборачиваясь на пороге). Прощайте, товарищи!

ЛЕНКА. Прощайте.

Малеев и Чечулин уходят.

ЛЕНКА. Что случилось, Глаша?

ГЛАША. Ничего. Не знаю... (Отворачивается, тихо плачет.)

ЛЕНКА. Лицо у него обожженное. А был, должно быть, красивый.

ГЛАША (вскакивает, кричит). Не смей так говорить! Он и так красивый. Лучше всех, кого я в жизни встречала.

ЛЕНКА. Я же из жалости к нему говорю.

ГЛАША. Не нужна ему твоя жалость. (Стук в дверь.) Кто там?

Дверь осторожно отворяется. Входит Чечулин.

ЧЕЧУЛИН. Извините за вторичное беспокойство. Забыл бушлат.

ГЛАША. Вот он! Висит у двери. Возьмите.

ЧЕЧУЛИН (берет бушлат). Зашили? Вот спасибо. Это мой бушлат. Командир его надел, весь изодрал о ваши колючки. Сам я не швейник, не зашью. Значит, жди-ждидайся, пока молодая жена после войны его залатает. (Надевает бушлат, ищет в карманах.) Мне не так этот мой бушлат дорог, как письмо от жены. Боюсь, размокло оно, ничего не прочтешь. (Ищет в карманах.) Скажи на милость — нету письма!

ГЛАША. Какое письмо? (Вынимает письмо.) Вот это?

ЧЕЧУЛИН. Разрешите взглянуть. (Берет письмо, читает.) «Ваня, милый!..» (Радостно.) Ну да, это! От жены.

ГЛАША. Так это вам было письмо?

ЧЕЧУЛИН. Как же не мне, когда я его наизусть знаю. Мне — Ивану Чечулину.

ГЛАША (бросается к двери). Боже мой, какая дура! Где он? Да говорите скорее, где он?

ЧЕЧУЛИН. Кто?

ГЛАША. Да, господи! Лейтенант ваш! Лейтенант!

ЧЕЧУЛИН (растерянно). Дождется за углом.

Глаша стремительно выбегает. Ленка начинает хохотать.

ВАРВАРА МАКСИМОВНА (за занавеской). О, господи! То ревете, то хохочете, — совсем сумасшедшие стали девчонки! Прилегла, не успела глаз закрыть — опять у вас шум, опять волнение! Ничего я у вас не пойму.

ЛЕНКА. Варвара Максимовна, я потом вам все объясню. Тогда поймете. (Чечулину.) Пойдемте в сад. Нечего столбом в хате стоять. Покурите там на вольном воздухе.

ЧЕЧУЛИН (улыбается). Вот разве что покурю. Идемте!

Уходят. Несколько мгновений комната пуста. Потом дверь распахивается. Вбегает Глаша, втаскивает за руку Малеева.

ГЛАША (поворачивается к Малееву, берет его за руки). Хотите, я стану перед вами на колени и буду просить прощения? Буду умолять. Хотите? Я все напутала.

МАЛЕЕВ. Что вы! Что вы напутали?

ГЛАША. С этим письмом. Я думала, что это письмо от вашей жены.

МАЛЕЕВ. Я не женат.

ГЛАША (смеется). Боже мой! От какого пустяка зависит счастье. Милый вы мой! Не умею я говорить о себе и о вас. Не умею. Лучше я...

МАЛЕЕВ. Что я слышу? Неужели можно... меня... такого?..

ГЛАША. Да, можно. Вас! Такого! Самого милого. После войны вы вернетесь ко мне! Слышите?

МАЛЕЕВ. Да, вернусь.

ГЛАША. А до этого будете писать мне все время?

МАЛЕЕВ. Буду. А вы?

ГЛАША. Ну, конечно. Я буду писать каждый день. А

когда окончится война, вы вернетесь, и я... и я выбегу вам навстречу, но, должно быть, не добегу до вас, упаду на колени, заплачу от радости, и от...

МАЛЕЕВ. От чего, Глаша?

Глаша обнимает Малеева за плечи, прижимается головой к его груди. Входит **Ленка**. Улыбается, смотрит на Глашу и Малеева.

ЛЕНКА (смущенно). Одного я никак не пойму, товарищи...

ГЛАША. Чего ты не поймешь?

ЛЕНКА. Неужели это бывает так сразу? И потом уже на всю жизнь?

Малеев улыбается.

ГЛАША (взглядывает на Ленку сияющими от счастья глазами). Да, Ленка, счастье иногда приходит сразу — и на всю жизнь!

К о н е ц .

Анатолий Глебов

ВЕЧЕР В ПЕТУШКАХ

Шутка в одном действии

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Г а ш а — председельсовета, 35 лет.

Д а ш а — ее племянница, избач, 18 лет.

М а ш а — милиционер, 20 лет.

Действие происходит в колхозе зимой 1943/44 года.

Сельсовет. Обычная обстановка. Две двери: в сени и внутрь дома. Телефон. Га ша работает за столом при свете керосиновой лампы. Телефонный звонок.

ГАША. Петушки! Пе-туш-ки! Сельсовет! Громче говорите! Не слышу! Кто это? Какая редакция? Ах, из города... (И обрадовалась и встревожилась.) Председатель и говорит, Грызлова, Агафья Ивановна. Почему у меня голос такой, на мужчину похожий? Уж не знаю. Такая уродилась. А что вам нужно-то? Как работаем? (Самодовольно, с улыбкой.) Хорошо. Тоже хорошо. Нет, этого у нас, дорогой товарищ, и в заводе нету, чтоб поставок не выполнять. К севу? А как же! День и ночь готовимся. Снегозадержание? Делали. Да уж наш Петушковский сельсовет, будьте спокойны, ни в чем не подкачает. (Громко.) Не подденете.

говорию! Вопросы культуры как? (В сторону.) Вот леший! Поддел-таки! (В трубку.) С культурой у нас, конечно, дело вообще обстоит, но все-таки... Школа? (Радостно.) Работает! И изба-читальня работает. Спектакли?.. (Замялась.) Нет, спектаклей покуда еще не ставили. Что вы? Не слышу! Громче! Алло! (Стучит трубкой по рычагу и вертит ручку.) Алло! Редакция? Алло! Кто это? Ты, Клава? Куда ж у тебя город-то подевался? Как так оборвалось, когда я с редакцией разговаривала? Связь, называется! Взять бы да отстегать вас этими самыми проводами, чтоб лучше работали!

Рассерженная, вешает трубку. Как раз в этот момент входит Даша со стопкой книжечек в руках. Гаша встречает ее таким злым взглядом, что Даша, оробев, остановилась.

ГАША. Ну?

ДАША. Что, тетя Гаша?

ГАША. Долго ты мне, племянница, культработу будешь срывать? Про спектакль говорю! Избач ты или кто? Кому я четвертый месяц толкую, что должен у нас быть драмкружок? Кому?

ДАША. Обождите, тетя...

ГАША. Четвертый месяц жду! Больше ждать не стану! Поняла? Не желаю я из-за тебя по телефону краснеть! Не можешь мне обеспечить как следует культработу, так я тебя к другому делу приставлю! Думаешь, родня председателя, так и можно тебе...

ДАША. Тетя Гаша! Вы послушайте! Вот я как раз вам принесла...

ГАША. Что?

ДАША. Пьесы.

ГАША. Ну?

ДАША. Ну, и ни одной нету.

ГАША. Как так?

ДАША. Вот так. Сперва разберитесь как следует, а потом кричите.

ГАША. Ну, ты не учи меня! Молода еще.

ДАША. Натe, сами глядите. (Бросила на стол книжки.) Двадцать пьес тут. И хорошие есть. А поставить ни одной нельзя.

ГАША. Почему это нельзя?

ДАША. Потому что везде мужчин больше, чем женщин, а мужчины в армии. (Взяв одну книжку.) Могу я вот это поставить? Одиннадцать мужчин и одна девушка! Ясно, нет. А хорошая пьеска. (Взяв другую.) А вот эту могу? Тоже нет. Про Ивана Грозного. Бояре разные, воины, послы

иностранные. Ну? (Взяв третью книжку, четвертую.) Суворов... Брусилов... Про фронт несколько пьес... Ну кто ж это у нас будет играть? Все мужчины, мужчины, мужчины! Я, что ли, Иваном Грозным вам буду?

ГАША. Надо, так будешь.

ДАША. Ну, уж это вы — ах, оставьте!

ГАША. Почему у нас женщины на всякой работе мужчину заменить могут, а тут нет? Смогут!

ДАША. Ну вот вы первая и покажите пример, коли так.

ГАША. И покажу. Завсегда пример показываю.

ДАША. Не покажете. Только разговор.

ГАША. Покажу!

ДАША. Ну покажите, покажите! Что зря говорить-то?

ГАША. Что тебе показать?

ДАША. Ну вот, к примеру, пьеска. Самая из всех подходящая. (Показывает книжку.) Нюра — колхозница, восемнадцати лет. Это я, допустим, сыграю. Сержант Афонин, девятнадцати лет. Тоже кого-нибудь из девчат уломаем. Ну, а вот это? Бригадир Рыжов, сорока лет. Разве девушка может такого сыграть? Срамится только! (Вдруг осененная мыслью.) Тетя Гаша! А что, если б вы сами сыграли? Серьезно! (Гаша молчит.) Ага! Приздумались! То-то и оно: на словах легко говорить, а до дела коснись...

ГАША. Ты не долдонь, не долдонь допрежь времени. Может, и сыграю. Бригадир, говоришь?

ДАША. Ага.

ГАША. Сорока лет?

ДАША. Аккурат как вы.

ГАША (с ноткой обиды). Кто тебе сказал? Мне на Герасима Грачевника тридцать пять только будет. (Подумав.) Нет, Дашенька, неудобно. Как-никак власть я, у всех на виду.

ДАША. А чего неудобного-то? Наоборот, всем пример покажете, не словами, а делом. Узнают — в газете про вас напишут. Вот, мол, в Петушках председатель какой — на все руки мастер: и хозяйство у него в полном порядке, и культура...

ГАША. Не знаю уж, подойду ли...

ДАША. Определенно подойдете. Голос у вас...

ГАША. Дался им мой голос! У тебя тоже такой голос был бы, кабы ты целый день на морозе распорядилась. Не в голосе дело, а в обличьи.

ДАША. А обличье я вам сделаю. Вот у меня и грим с собой. Давайте попробуем.

ГАША (в раздумьи). Что ты будешь делать? Сама не

впряжешься — не сдвинется... (Решительно.) Ладно. Пробуй. Только дверь на крючок закрой.

ДАША (закрывает). Закрyla. Пиджак на вас в самый раз. Ушанка тоже. И валенки. Ну-ка, юбку в них подоткните получше, вроде брюк чтоб было.

ГАША (с мущенно). Ишь, выдумщица! (Выполняет указания.) А теперь что?

ДАША. Теперь посидите минутку смирно, а я вас в два счета мужчиной сделаю. На пробу.

ГАША (беспокойно оглядываясь). Дверь-то закрыла?

ДАША. Сказала вам — закрыла. (Прикладывает Гаше рыжую бороду и усы, гримирует.) Ох, тетя Гаша! И здорово получается! Просто замечательно! Сейчас мы с вами одну сценку прорепетируем — и порядок.

Звонит телефон.

ГАША. Пусти! Ну тебя... (Берет трубку.) Петушки! Грызлова, да! Ах, это опять вы? Ну да, прервали. На чем остановились? Про спектакль говорили. Да еще не ставили, но теперь уже ставим. Какая пьеска? (Даше, шопотом.) Как пьеска-то называется?

ДАША. «В разведке»... Нет! «У колодца».

ГАША. «Раз ветки — не уколоться б».

ДАША. Да нет! Нет, тетя! «У колодца»!

ГАША. Я и говорю: «уколоться».

ДАША. У колодца! Колодец! Понимаете?

ГАША. Тьфу! (В трубку.) Путают тут. «У колодца». Колодец! Откуда воду берут! Правильно. (Грозит Даше, тихо.) Я тебе покажу, как путать! (В трубку.) Что? Уже репетируем, уже! Когда покажем? (Впросительно смотрит на Дашу, та недоуменно пожимает плечами.) Скоро. Дня через три. (Даша испуганно всплеснула руками, она опять грозит ей.) Какими силами? Собственными своими. Я лично тоже играю. А как же! Надо пример молодежи показывать. Сами они долго раскачиваются. Мужчину играю, бригадира. Да. Что? Приедете посмотреть? А когда вы приедете? Алло! Алло!! (Стучит трубкой, крутит ручку.) Опять обрвалось! И Клавки не слышно... Что ж ты меня запутала, а? Слышь, что говорят? Районный смотр самодеятельности проводится. И к нам приедут смотреть. Ой, матушки мои! Не было печали, так черти накачали! Ну, я ж тебе, Дашка, покажу, ежели все в порядке не будет!

ДАША. От вас зависит. Ваша главная роль.

ГАША. Давай скорей репетировать! Вот горюшко нава-

лилось! Не было заботы... (Сильный стук в дверь. Гаша оторопела.) Мать родная! Кто ж это? Куда ж мне в таком-то виде?

ДАША. В избу подите. Только за обе двери. В сенцах не стойте. Слышите? Еще откроет кто-нибудь ненароком и увидит вас. Правда, неловко будет.

ГАША. Ладно.

ДАША. Обе двери прикройте. Получше!

ГАША. Прикрою. А ты поскорей тут спровадь. Дай-ка пьеску. Почитаю покуда. (Уходит во вторую дверь.)

Даша открывает. Входит Маша в форме сельского милиционера.

ДАША. Машка! Откуда ты?

МАША. Из района.

ДАША. По делу, что ли?

МАША. На целый месяц.

ДАША. Что ты говоришь! Как же это?

МАША. Блинову на замену. Он на курсы поедет. А я тут маминых лепешечек покуда покушаю.

ДАША. Вот замечательно-то! Прямо спасла меня — так кстати приехала. Как раз мне сержанта — вот так, дозарезу нужно!

МАША. Какого сержанта? Милиции?

ДАША. Нет, танкиста.

МАША. А я причем?

ДАША. Слушай. Через три дня спектакль! Из города приедут смотреть из редакции.

МАША. Какой спектакль?

ДАША. «У колодца». Помнишь — на прошлом смотре в районе видела?

МАША. Ну? А кто же играет?

ДАША. Мы.

МАША. Кто?

ДАША. Ты, да я, да мы с тобой, да еще одна.

МАША. Ты что? Заболела?

ДАША. Наоборот. Поправилась. Четыре месяца, как чудовая, ходила, не знала, откуда мне Рыжова взять, бригадира. А теперь нашла.

МАША. Это меня?!

ДАША. Ну, что ты! Ты сержант, сержантом и будешь.

МАША. Отставить, товарищ.

ДАША. Машенька! Милая! Некому больше. Из-за тебя все сорвется. Ведь ты же играла!

МАША. Мужчин? Никогда.

ДАША. При чем тут мужчины? Свое звание будешь играть. Ты слушай: сержант, девятнадцать лет, молодень-

кий, хорошенький, значит. Вылитая ты. Только усики тебе приделать, и все. Дай попробуем.

МАША. Что?

ДАША. Усики навести.

МАША. Да ну тебя, Дашка, правда! Совсем сдурела.

ДАША. Ну, дай.

МАША. Вот привязалась!

ДАША. Что тебе, жалко?

МАША. Отстань, говорю.

ДАША. Ну, Машенька! Ну, голубушка! Уважь! А я Нью-ру сыграю. На пару с тобой. Три дня только осталось. Понимаешь? Если сорвется дело — прощайся тогда со мной навсегда. Тетя Гаша меня, как капусту, изрубит и съест. Ну, для меня! Неужто подружке не уважишь?

МАША. Вот оглашенная!

ДАША. Только попробуем. И сейчас же сотрем.

МАША (сдаваясь). Ну и девка!

ДАША. Садись. (Усаживает ее поближе к лампе и быстро рисует небольшие, очень похожие на настоящие усики, потом слегка подводит брови.)

МАША. Дверь-то закрыта?

ДАША. Ага. Ой! До чего же хорошенький паренек получается! Если б такого увидела — влюбилась бы.

МАША. Поглядим. (Достает из полевой сумки зеркальце и смотрится.)

ДАША. Скажешь, плох?

МАША. Ничего себе. Ну ладно. Подурили — хватит. Дай тряпку.

ДАША. Обожди, не стирай! Я сейчас за трехрядкой сбегаю, рядышком тут. И по всей форме прорепетируем, с музыкой.

МАША. С какой еще музыкой? Ну тебя!

ДАША. Обожди, Маша! Я мигом. (Исчезает.)

МАША. Вот скаженная... (Продолжает разглядывать себя в зеркальце. Улыбается. Напевает. Получше подводит брови, потом усики. Звонит телефон.) Ой, батюшки! (Берет трубку.) Слушаю вас. Грызлову? Нет ее. Кто ж ее знает! Ходит где-нибудь. Не могу вам сказать. Я тут человек посторонний, нездешний.

При последних ее словах дверь приоткрывается и заглядывает Гаша. Увидела незнакомого молодого милиционера, поражена. Маша, обернувшись, замечает ее, и Гаше уже неловко скрыться.

ГАША. Здравствуйте. (Входит.) Из района к нам?

МАША (смущенно, пряча за спину зеркальце). Д-да... А вы, извиняюсь, кто?

ГАША. Я-то? Здешний.

МАША (настороженно). Здешний? Что ж это я вас совершенно не знаю? (В сторону.) Подозрительный типчик.

ГАША. А откуда ж вы меня можете знать, если сами не тутошний?

МАША. Кто вам сказал, что я не тутошний?

ГАША. Сами сейчас по телефону сказали. Что это вы за спиной прячете?

МАША (сконфуженно). Где? Ничего.

ГАША. Как ничего? Я вижу. (В сторону.) Ой, нечисто дело! Не шпион ли какой? Не то просто мазурик...

МАША. А вам что? (Скрывая зеркальце в руке, прячет его в карман.) Кто вы сами-то?

ГАША. Я? Хм... Житель.

МАША. Какой еще житель?

ГАША. Какой? Это я вам после того объясню, как вы мне свой документ покажете.

МАША. Что-о?!

ГАША. То, что слышали.

МАША. Новое дело! Нивесть кто, нивесть откуда объявился, да еще документ у милиции требует!

ГАША. Это вы нивесть кто и нивесть откуда, вот я и спрашиваю.

МАША. А форму на мне вы не видите?

ГАША. Форму всякий может надеть.

МАША. Ну, гражданин, такого нахальства я еще никогда не видала! Кто вам право-то дал у милиции документы спрашивать?

ГАША. Раз спрашиваю, значит имею такое право.

МАША. А мне это неизвестно.

ГАША. Мне известно.

МАША. Хватит, гражданин, дурака валять. Я вам ничего показывать не обязана раз в полной форме и при оружии. А вы мне сейчас же покажете ваш паспорт. Ну? Что же вы? Поживей! Считаю до трех. Раз... два...

ГАША. Ну нет, голубчик! Сперва ты мне покажи, что в карман сунул!

МАША (выхватив наган). Вверх руки!

ГАША. Как?

МАША. Вверх, говорю, руки! Стреляю!

ГАША. (про себя). Мать пресвятая! Вот влипла... Время-то ночное, не докричишься. (Подняла руки.)

МАША. Только мне пошевелитесь — на месте положу. Смирно! (Продолжая держать револьвер наведенным, другой рукой быстро обыскивает Гашу.) Оружия не видать, гранат тоже. Можете опустить руки, гражданин. И сейчас же предъявите ваш документ. А потом валенки скинете. Я их как следует осмотрю. У одного диверсанта, рассказывали, в валенках целый склад отыскали. Ну, живо!

ГАША. Да вы знаете, кто я есть на самом-то деле?

МАША (грозно). Вы опять разговаривать?

ГАША. Уф ты... Вот случай!

Вбегает Даша с гармонью. Сразу не поняла, что происходит.

МАША (делая ей знак рукой). Не входи! Стой там! (Гаше.) Документ!

ДАША (не видя лица Гаши). Кто это?

МАША (взяв у Гаши удостоверение, читает). Агафья Ивановна Грызлова. (В недоумении смотрит на нее.)

ДАША. Ой, не могу! Ой, матушки! (Залилась хохотом.) Это ты ее, Машка, заарестовала?

ГАША. Какая Машка? (Вглядывается, потом мазнула рукой по машинным усам и смазала их.) Тьфу, дуй вас горой! (В сердцах срывает с себя усы и бороду.)

МАША (изумленно). Агафья Ивановна!

ГАША. Чтоб тебе пусто было! (Даше.) Все ты!

ДАША (продолжая хохотать). Ой, помру! Ой, маменьки! Ну и спектакль! Теперь, тетенька, как дважды два, доказано.

ГАША (сердито). Что еще доказано?

ДАША. Что у нас такой замечательный спектакль получится, какого и в Москве не увидите. Во разыграем!

ГАША (просветлев). А, пожалуй, и правда. Разыграем, девушки?

МАША. Разыграем, Агафья Ивановна. Я к вам на целый месяц.

ГАША (радостно). Ну?

ДАША. Будьте покойны. Первое место на смотре возьмем! Факт! (Подмигнув обеим, раздвинула меха гармонии, запела веселые частушки. Маша, а потом и Гаша тоже поют и пляшут.)

Занавес.

К СВЕДЕНИЮ ПОСТАНОВЩИКА

Всем исполнительницам необходимо знать роли наизусть, без записки, чтобы от начала до конца пьески игралась легко и живо. Играть как можно естественней, говорить и двигаться просто, как в жизни.

Обстановка пьески очень проста. Телефонный аппарат легко сделать по образцу настоящего из дерева. Для звонка лучше всего употребить будильник.

Особое значение обратить на моменты гримирования Гаши и Маши. Грим должен быть положен не грубый и резкий, а настолько естественный, чтобы зрителю не показалось неправдивым, что Гаша и Маша не распознали сразу друг в друге загримированных.

А. Благов

ПЕСНЯ ДЕВИЧЬЯ

Далеко сейчас
Мой сердечный друг:
За Дунай-реку
Не протянешь рук.

По горам идет
Над седой волной,
На плече блестит
Автомат стальной.

В ясный белый день,
В ночь ненастную
Не сдержать врагу
Силу Красную.

Где прошла она
С боевым огнем,
Молодая жизнь
Зацвела кругом.

Далеко сейчас
Мой сердечный друг,
Но в разлуке я
Не сложила рук.

В голове ношу
Думы смелые,

Тку безустали
Ткани белые.

Знаю — милый друг
Победит в бою
И вернет назад
Мне любовь свою!

СЛОВО ВОЖДЯ

В небе звезды — несчетные свечи.
Бьют куранты на башне Кремля.
Тот ноябрьский взволнованный вечер
Будет помнить родная земля.

Мы учителя слушали слово.
Слово это нельзя позабыть:
Мы к борьбе и к работе готовы,
Чтоб навеки счастливыми быть.

Впереди — боевые дороги,
Где свинцовые вихри поют.
У своей стародавней берлоги
Враг вдвойне кровожаден и лют.

Силой всех городов и селений,
Всех детей твоих, Родина-мать —
Для последних победных сражений
Надо крепче оружие ковать.

Больше хлеба, и ткани, и стали,
И — упорства в суровой борьбе!
Что предвидел, что выразил Сталин,
То и сбудется в нашей судьбе.

На колхозном дворе, за станками —
Где работать кому суждено —
Будет слово учителя с нами,
Будет нашим законом оно.

Понесут его в сердце герои
Там на фронте, в атаку идя,
А в труде — наши силы утроит
Вдохновенное слово вождя!

СОВЕТСКИЙ СОЛДАТ

По дальним немецким дорогам,
По тропам, где пушки гремят,
На запад, в величии строгом,
Шагает советский солдат.

Молва небывалую славу
По свету разносит о нем.
Его принимала Варшава,
Как друга, сердечным теплом.

Его богатырская сила
Свободной душе дорога.
В походах его не сломила
Звериная злоба врага.

Идет он победным маршрутом,
Не клонит своей головы.
И блещет огнями салютов
Вечернее небо Москвы.

О славном советском солдате
Мы дружные песни поем.
За доблесть высокую платим
Любовью и честным трудом.

Мих. Шошин

ЛЕВОН И СТЕНЬКА

Стенька любил лошадей. Еще мальчонком — ростом от горшка два вершка, он приходил на конюшню и толкался тут до тех пор, пока не попадался на глаза старому, серьезному и придирчивому козлу Филиппу.

Филипп находил, что малышу тут нечего делать, нельзя тревожить отдых нервных лошадей... Филипп угрожающе тряс длинной бородой и, склонив седую голову, выпятив вперед толстые кольчатые рога, медлительно и грозно направлялся к Стеньке. Мальчик, завидев его, стремглав бросался вон из конюшни.

Когда Стенька по тринадцатому году начал работать в колхозе и ему доверили лошадь, сердце его возликовало, как оно ликует на большом празднике человеческой жизни. Он сразу проникся какой-то серьезностью, в его движениях появилась некая важность, в разговоре уравнианность, в действиях обдуманность. На конюшню он ходил теперь то и дело — взять лошадь, почистить, подкормить.

Филипп сразу заметил, что мальчик хоть и стал только немного побольше, но ходит сюда, как работник, и прекратил угрозы. Но, как говорится, беду-то не спишь, а выспишь. И вправду Стенька не спал, когда эта беда пришла в образе бригадира Корнея Мокеича. В то утро Стенька встал раным-ранехонько и торопливо стал одеваться, чтобы первым выехать на пашню.

Мокеич неслышно вкатился в избу и тихонько, чтобы не потревожить безмятежный сон маленьких братишек и сестреночек Стеньки, заговорил.

— Стень, ты будешь теперь работать на Левоне. Его сегодня запрягай!

Левон — это был молодой бычишка из тех незаметных и беспородных животных, перед которыми начертаны только два пути — ходить в упряжке или отправляться на скотобойню. В словах Мокеича Стенька сразу учуял пропасть, в которую бригадир одним махом хочет его столкнуть, и оцепенел от ужаса.

Но он еще нашел в себе силы спросить:

— А почему же не на лошади?

— По соображениям высшего порядка, Стенья, — туманно и значительно ответил бригадир. — Собирайсь живее, да и запрягай.

— Не стану я на Левоне работать! — сквозь слезы сказал Стенька.

— Дружба, Стенья, вперед ведет, — говорил Мокеич. — Не будем терять дружбу, — бери Левона и будешь навоз возить.

Хитроумный старичок вышел из избы.

— Не буду! — крикнул ему вслед Стенька. — Не поеду! — и навзрыд заревел.

— Можно и на Левоне работать, — уговаривала его мать. — Покорись!

Стенька лил слезы и упорствовал. Только в восемь часов утра с заплаканной рожницей, не смея поднять глаз, как будто в чем-то был страшно виноват, он прошел уже не на конюшню, а на скотный двор и со злостью кое-как запряг Левона. Через полчаса молодой бычишка тянул воз навоза, и

Стеньке казалось, что все колхозники насмеются над ним. Встречные девчонки кричали ему:

— Стень, что же ты своему коню хвост не расчесал.

Это было в дни весеннего сева. И все лето Стенька работал без радости.

Он толкал Левона, поддавал ему коленкой, возвращаясь откуда-нибудь порожняком, приучал его ходить «на рысях» и, к удовольствию смешливых приятелей, часто говорил, распрягая Левона:

— Будешь ты, все-таки, у меня рысаком.

Левон, следуя принципу «долг платежом красен», отвечал ему тем же. Идет, идет в упряжке и неожиданно опустится на дорогу и лежит — хоть убей его — до тех пор, пока самому не надоест. Всех достижений в то лето у Стеньки с Левоном было то, что они оба выросли. Стенька похудел, но вытянулся, в его взгляде проскальзывала твердость и вместе с тем мелькала задиристость, облупившийся на кончике нос стал длиннее и суховатей, исчезла мальчишеская пухловатость щек.

В беспородном молодом Левоне, одетом в белую с бурыми пятнами «рубашку», текла, видимо, какая-то здоровая сильная кровь, и он вытянулся в высоту и в длину и превратился в массивное животное благородной осанки и невозмутимого нрава. Осенью он покрылся густой и шелковистой шерстью. Любо посмотреть стало на него.

Зимой Стенька с Левоном поехали за дровами. День был ветреный, морозный. Космы поземки лохматились в поле, резкий холодный ветер пробивал даже дубленый полушубок Стеньки. Впереди зашумело, затарахтело. В вихре снежной пыли обозначилась машина. Она мчалась навстречу. Стенька потянул за правую вожжу, но Левон сам понял в чем дело и поспешно свернул с дороги. Мимо них промчался грузовик-вездеход. Он промчался, и в зимнем поле наступила еще более гнетущая, горестная тишина. Зима стояла вьюжливая, снегу было много. Стенька посмотрел на Левона, который провалился в снег чуть не выше груди. Тяжелый воз до половины ушел в снег... Сердце Стеньки оборвалось, и он весь оледенел от холода и безысходности. Дело к вечеру. Мороз и ветер... На дороге никого не видно. Может на ней теперь до самого утра ни одна подвода и не появится. Он хлестнул Левона, но тот не шевельнулся.

— Обрадовался, дурак, — сказал он быку и заплакал, почувствовав себя маленьким, одиноким и беспомощным. Он плакал и думал, как же теперь ему, маленькому, быть. Можно сложить дрова, чтобы Левону полегче было вылезть на

дорогу, и вновь их потом поклясть в дровни. На это придется потратить много сил и времени. Он мог с жаром приняться за работу сейчас же, но у него не было уверенности, что этот проклятый лежебок оценит его труд и тронется с места. Была бы лошадь, она давно бы выскочила. Левон долго и пристально смотрел на эту щупленькую, жалкую фигурку в желтом дубленом кожаном и вдруг так свирепо фыркнул, что мальчик невольно отпрянул от него и застыл от изумления. Левон сильным рывком поднялся на задние ноги и, выпростав из снега передние, подогнул их и на коленках пополз на дорогу. Воз с дровами, оставляя в снегу широкий и глубокий ров, подвигался за ним. Левон дышал тяжело, но упорно полз и полз к дороге. Стенька от удивления перестал даже дышать, так поразила его смекалка Левона. Ни одна лошадь не могла бы так ухитриться... Она билась бы, рвалась из последних сил, но выползти на коленках не догадалась бы... Выбравшись из целика на дорогу, Левон встал на все четыре, отряхнулся, легко взял воз и пошел как ни в чем не бывало.

Слезы высохли, маленькое сердце Стеньки вновь поднялось на свое место и так радостно затрепетало, что Стенька забежал вперед, обхватил голову Левона и целовал, и гладил, и говорил ласковые, нежные слова. С той минуты и началась дружба. Он понял тогда, что в Левоне таится сметка сообразительного работника и сила... необыкновенная сила!

С той поры Стенька стал заботиться о нем больше, чем бывало о коне: чистил, подкармливал, ласкал и глазом, и словами. А молодой холеный Левон наливался мощью, стал еще массивнее и осанистее.

Следующим летом они работали на пашне, на бороньбе, на подвозке и всюду были неутомимы.

В начале осени сам предколхоза с глазу на глаз разговаривал с мальчиком.

— Придется тебе, Степа, возглавить молодежную транспортную бригаду. У тебя лучшая подвода, — ты будешь всем ребятам пример! И веди дело аккуратно, чтобы дисциплина была.

И Стенька возглавил. Левон ходил во главе обоза, и все волы, быки и лошади приноравливались к его спорному шагу. Вывезли зерно, принялись за овощи и картошку. Их нужно было сдать много, груз громоздкий, дело задерживалось, и Стеньке захотелось его ускорить. Однажды кладовщица, по прозвищу Графиня, отпуская для стенькина обоза картофель, заметила:

— Что ты много сегодня берешь?

— В моем обозе подвода прибавилась.

— Где ты ее взял?

— Там, где была, а ты, знай, пошевеливайся, не задерживай, а то с первым-то местом у меня выйдет как в прибаске — по усам текло, а в рот не попало.

— Ишь ты, как молоть-то нынче наострился.

— Как месяца полтора транспортную бригаду поводишь, да на складах потолкаешься, да четыре тысячи пудов перевезешь, так наостришься.

Графиня, получившая это прозвище за статность, дородность и повелительный взгляд, вышла проводить молодежную и увидела, что Левон легко покати́л две груженные телеги.

— Ишь, бесенок, что придумал! А что? Правильно. Левон своего дружка не подведет, он могутный, — рассудила Графиня, и через несколько минут по колхозу полетела новость — Стенька-то на сцепе из двух телег работает.

Поздней осенью, когда лесная дорога покрылась плотным ковром опавших листьев, а Левон, по выражению Стеньки, «провел полную подготовку к зиме», то-есть отпустил густую, длинную, теплую шерсть, мальчик вечером вернулся домой. Мать встречала теперь его как хозяина. На столе kloхтал горячий самовар, деревянное расписанное блюдо манило свежим хлебом и булками, но другого блюда фарфорового, белого, со скачущими друг за другом оленями и верховыми охотниками по краям не было. Подавать щи мать что-то медлила. Когда сын умылся, одернул рубашонку и сел за стол, она проговорила:

— Из окопа письмо пришло, почитай-ка сначала — не терпится послушать.

Мальчик придвинул к себе лампенку и стал читать.

«Здравствуй, милый мой сыночек Стеня, — писал отец, — целую каждый волосок на твоей лохматой головенке. Может без меня так и ходишь с вихрами. Сходи к дедушке Савве, если старик жив, он хорошо умеет, острижет без приступков».

Стенька невольно провел пятерней по голове.

«Много я видел на своей дальней дороге таких ребят, как ты, — сталинградских, казацких, украинских, еврейских, молдавских, бессарабских, сербских — ничего ребята, хорошие, а все-таки, думается мне всегда, — Стенька мой будет, пожалуй, получше. Так оно и выходит, не ошибся я в своей думе. Председатель колхоза сообщил мне специальным письмом, что ты нынче очень хорошо работаешь на пользу Роди-

не и за это тебе большая благодарность от меня и от всей Красной Армии. Погладь от меня Левона».

Мать, сдерживаясь изо всех сил, тихонько всхлипывала. И Стеньке показалось вдруг, что ворот рубашонки его давит, и мальчик торопливо расстегнул две верхние пуговицы. Он резко встал и, чтобы побороть волнение, пошел, как будто это очень спешно нужно было сделать, убирать письмо в коробку.

Через несколько дней ребята в колхозе и во всей ближней округе с завистью и восхищением говорили:

— Стенька-то Гневывшев от всей Красной Армии благодарность получил!

НЕСКОЛЬКО ПРАКТИЧЕСКИХ СОВЕТОВ НАЧИНАЮЩЕМУ РУКОВОДИТЕЛЮ ДРАМАТИЧЕСКОГО КРУЖКА

Прочитав несколько раз пьесу, продумав, постановщик должен прежде всего решить, для чего он будет ставить ее, чем хочет взволновать, в чем убедить будущего зрителя, одним словом, определить идею спектакля.

Проанализировав, например, пьесу Юстровского «Бедность не порок», мы определяем, что главная задача драматического коллектива показать зрителю, что в капиталистическом обществе бедные, эксплуатируемые люди наиболее честны, великодушны и человечны; наоборот, люди богатые, владеющие капиталами, теряют человеческие черты.

Далее, режиссер, проанализировав события в пьесе, поведение людей в ней, их взаимоотношения, должен очень четко представить себе, через какие поступки их и какие черты характера он будет доносить до зрителя основную мысль спектакля. Это поможет ему иметь представление об их внутренних качествах (и хороших и дурных), об их внешнем облике, костюме и пр.*

Для того, чтобы составить себе такие характеристики, режиссеру надо предварительно почитать как критические, исторические статьи, так и беллетристический материал, касающийся той эпохи, общества того времени, что показаны в пьесе.

Такая предварительная работа над пьесой поможет режиссеру очень хорошо, выразительно прочесть ее коллективу или, как говорят в театрах, «влюбить его в пьесу», увлекательно рассказать о цели спектакля, ярко вскрыть образы действующих лиц. После распределения ролей режиссер начинает работу над пьесой за столом. Актеры читают пьесу по ролям для того, чтобы научиться читать свою роль правильно с точки зрения ее смысловой стороны. Для этого, прежде всего, надо каждому актеру растолковать, что в каждом действии, эпизоде, явлении делает его герой и для чего он это делает.

Читая по ролям пьесу, подробно останавливаясь на каждом отрывке, актеры вместе с режиссером должны научиться читать текст роли, прежде всего, с точки зрения смысла или логики.

Это достигается правильной расстановкой смысловых (логических) ударений во фразе и пауз. Когда эта часть работы выполнена, надо начать читать этот же текст, стремясь к тому, чтобы он звучал правильно и с точки зрения того внутреннего состояния, в котором находится герой в данный момент. В это же время устанавливается связь действующих лиц друг с другом. Для этого режиссер должен все время требовать от участников, чтобы они непременно слушали друг друга, вникая в смысл того, что говорит партнер. Когда исполнители уже, как говорят, «вжились» в текст, начинается работа с актерами на сценической площадке. Предварительно режиссер делает план расположения обстановки и предметов на сцене, располагая все так, чтобы актеры, двигаясь на ней, могли быть максимально выразительны, чтобы никто и

ничто не заслоняло их, чтобы лицо их большею частью было видно зрителю, и в то же время каждый из них был бы связан с тем, с кем он ведет сцену, видел бы его глазами, имел бы возможность обращаться к нему, а не куда-то в сторону или в зрительный зал. Каждое положение или переход на сцене должны соответствовать тому внутреннему состоянию, в котором находится действующее лицо, должны быть правдивы. Итти от правды при построении положения или движения на сцене (что называется мизансценой), единственно правильный путь работы над спектаклем. Нельзя, например, позволить исполнителю все время ходить по сцене при разговоре, если это не вызывается особыми причинами. (скажем, человек нервничает), или сидеть, несмотря на то, что его состояние меняется: из спокойного он делается гневным, веселым и т. д.

Установленные мизансцены должны соблюдаться актерами тщательно и не меняться без договоренности с режиссером. На каждой последующей репетиции мизансцену надо не просто повторять, а дополнять деталями, делающими поведение человека на сцене максимально правдивым.

Для того чтобы в работе на площадке не было путаницы, споров, что наблюдается довольно часто, режиссеру лучше всего мизансцены и все детали движений записывать.

Последние репетиции надо вести в той обстановке, костюмах и с теми вещами, что будут на спектакле.

Зная, что к каждому новому спектаклю большинству кружков сельской местности трудно делать новые декорации, мы рекомендуем в каждом новом спектакле в старое оформление вносить какие-то детали. Идет, например, один скетч, действие которого разворачивается в деревенской избе, а второй в украинской хате. Надо, чтобы в последней на тех же стенах над окнами висели вышитые полотенца. Это сразу покажет, где происходит действие. Костюмы для действующих лиц, если это костюмы исторические или иностранные, надо пытаться достать в костюмерных театров или рабочих клубов. Если этого нельзя сделать, то надо на имеющиеся костюмы нашить такие детали, которые давали бы представление о нужном костюме. Скажем, фрица никак нельзя выпускать в форме красноармейца, как это имело место в олимпиаде 1943 года.

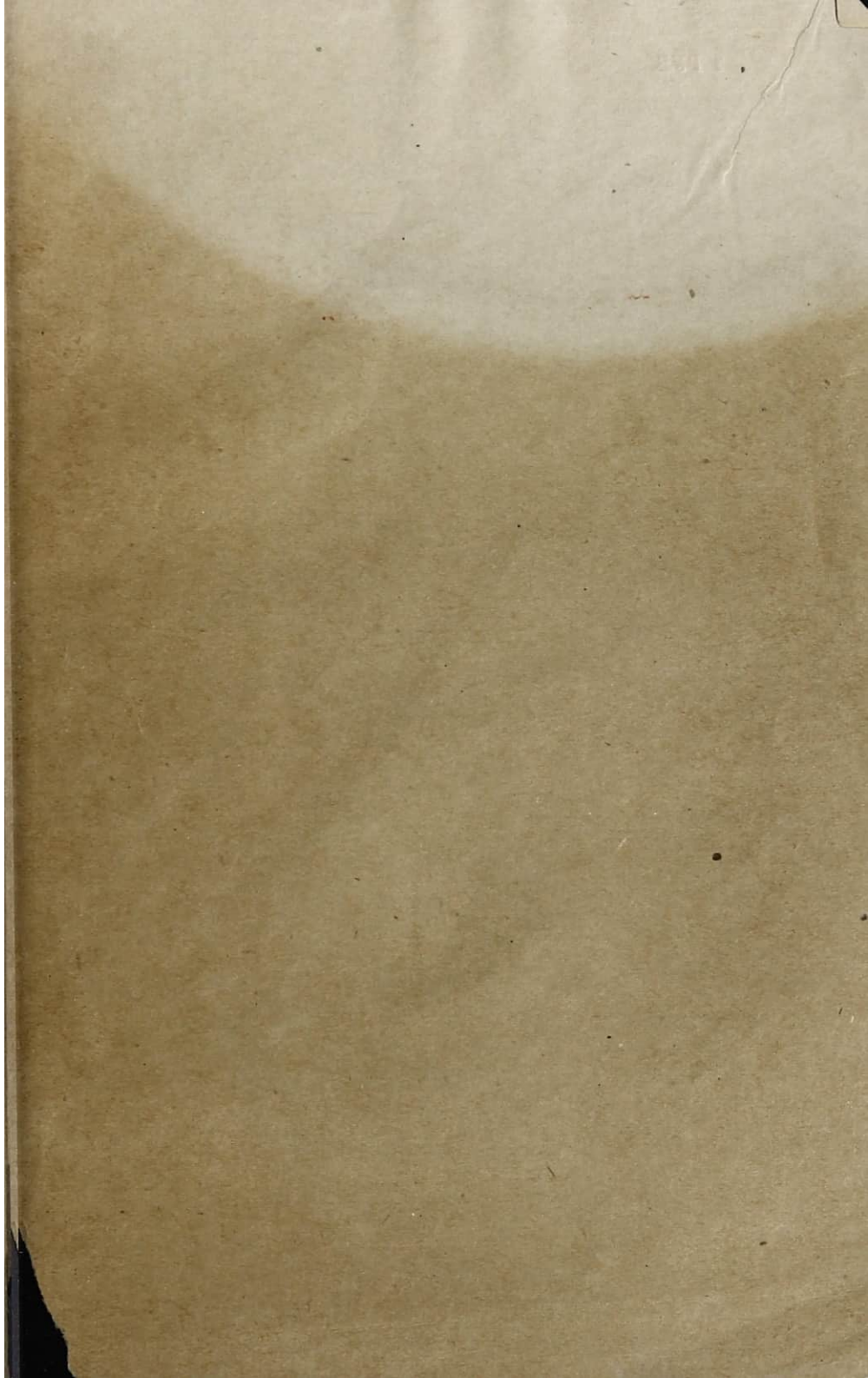
Вопрос о количестве репетиций на каждый спектакль должен решаться в зависимости от величины пьесы. Но их ни в коем случае не должно быть меньше 20 на трехактную пьесу, из которых семь репетиций за столом, одиннадцать на площадке и две генеральных. На генеральные репетиции надо приглашать сведущих людей, которые могли бы сделать замечания, помочь исправить недостатки. Эти исправления делаются на другой день после генеральной, на черновой, так называемой корректурной, репетиции.

Драмкружку и руководителю следует помнить, что чем тщательнее выбрана, обсуждена и подготовлена пьеса, тем лучше идет спектакль, тем сильнее воздействие его на зрителя. Хорошую постановку сами зрители нередко просят повторить. Неряшливая, наспех сделанная постановка подрывает авторитет кружка у зрителей, мешая успешной работе коллектива и дальнейшему творческому росту его участников.

ОБЛАСТНОЙ ДОМ НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА.

1 PYE.

